с высокою мыслию, а сами въоружившеся бранию и изыдоша противу князя Михайла. Князь же великий Михайло молился великому Спасу и пречистой его матери, и съступишаса, на пръвом суйме победи великий князь Михайло помощию архистратига Михаила». Итак, новгородцы своевольничают, высокоумничают, выполняя «зол совет», а Михаил действует со смирением, защищая свои права; новгородцы надеются на свою силу, а Михаил, уверенный в правоте своего дела, все надежды возлагает на бога, который действительно оказывает ему помощь.

Разбитые новгородцы убежали в Новгород, другие устремились в Торжок. Дальше автор со злорадством описывает бедствия потерпевших поражение новоторжцев: «и бежавших много исколоша, а иных поимаша бояр и новгородцевь и новоторжеских, и приведоша в Тверь. И зажгоша с поля посады у города, и удари со огнем ветрь силен на град и поиде огнь по всему граду, и погоре въскоре весь град, и церкви каменны, и многое множество народа бесчисленое въскоре погибоша, а инии от огня бежачи в реце истопоша в едином часе, видехом град весь въскоре попель, и развеай то ветрь, и не бысть ничтоже, развое кости мертвых».

Свой рассказ тверской летописец заключает поучением: «Разумейте, братиа... то есть мужество, еже уповати на бога; а человеческаа помощь ничтоже есть, еже сии сътвориша собе новгородци за высокоумие».[1]

Совсем иначе излагает события Симеоновская летопись. Новгородские бояре, сообщает летописец, ехали в Торжок ставить крепость и выслали из Торжка тверских наместников. Стало быть, никакой «совет зол» не был новгородцами задуман, а ехали они в Торжок с оборонительными целями. Сообщается о высылке тверских наместников, но нет ни слова об арестованных и убитых тверичах и об ограблении их имущества. Михаил Александрович, продолжает Симеоновская летопись, собрал много войска, пришел к Торжку «и взя город и огнем пожже город весь, и бысть пагуба велика христианом». Далее описывается ужасная картина гибели жителей, мечущихся по объятому пламенем городу, задыхающихся в дыму, уничтожаемых огнем, утопающих в реке. Тверичи глумились над женщинами и девушками, раздевая их донага, «егоже погании не творять». Первым в бою пал «за святой Спас и за обиду новгородцкую» (а вовсе не за «высокоумие») Александр Аввакумович, были убиты и другие воеводы, иные убежали, много мужчин и женщин было уведено в Тверь пленными. «И кто, братие, — заключает свою горестную повесть летописец, — о сем не плачется, кто ся остал живых видевый, како они нужною и горкою смертью подъяша, и святыи церкви пожжени и город весь отъинудь пуст, еже ни от поганых не бывало такового зла Торжьку».[2]

---

[1] ПСРЛ, XV, стлб. 431—433. Разрядка моя, — *И Б.* Этот же источник, повидимому, лег в основу рассказа Никоновской летописи, хотя, правда, здесь события излагаются без злорадства (ПСРЛ. XI, стр. 18—19).

[2] ПСРЛ, XVIII, стр 113. Воскресенская летопись, в начале своего повествования о гибели Торжка следующая варианту Тверского сборника, в дальнейшем рассказе также дает потрясающую картину страданий новоторжцев и зверств тверичей. «И бысть пагуба велика христианом: овии в дворех над животом (имуществом, — *И. Б.*) погореша, а инии вбегша в церковь Спас, ту издыхошася, а инии от огня бежаша в реце Тферцы истопишася; а жен и девиць одираху и до последние наготы, рекше и до срачицы, иже и погании не творять, и те истопишася в реце срама ради, и чрьнцов и черниць нагих пущаша, а товар, которой от огня остался, иконнаа скрута, злато и сребро, то все поимаша. Бе же многое множество мертвых, избитых, и топлых, и горелых, и издохлых, наметаша их 5 скудельниць, а инии без останка изгорели, а инии истопшии уплыли вниз по Тверцы Князь же Михайло Тферский, учинив сие великое зло Тръжку, еже ни от поганых татар зло таковое не быв ему, и многое множество товара взя, и корысть бесчислену приобрет, и полон поведе, и тако отъиде в Тфери» (ПСРЛ. VIII, СПб, 1859, стр 20). То же — в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ, XXV, стр. 188).